

22.1.95.

Примов Дмитрий Александрович

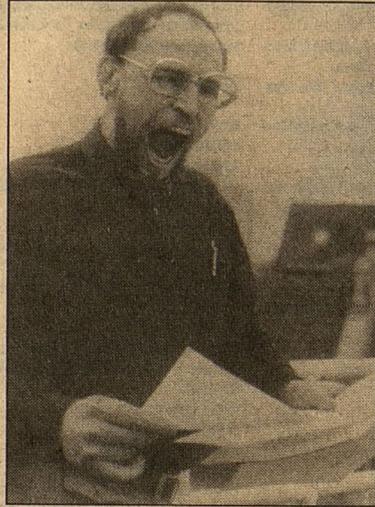
881

МАСТЕРСКАЯ

Мояк. Новости. - 1995. - №5, 22-29 янв. - С. 18

Как я снимался у Алексея Германа

То, что Алексей Герман работает над новым фильмом, известно давно. Кроме этого факта, а также рабочего названия — «Хрусталеv, машину!» — лишь слухи, порой доброжелательные, продиктованные интересом к работе мастера, порой враждебные, окружают картину, съемки которой продолжаютя уже три года. Верный своим принципам, Герман стремится воссоздать атмосферу времени (на этот раз мрачную эпоху «борьбы с космополитизмом», конец эры Сталина). В одной из ролей зрителю, возможно, увидят неожиданную фигуру — поэта-концептуалиста Дмитрия Александровича Пригова. Он любезно согласился приоткрыть завесу тайны над новым фильмом Алексея Германа.

— Почему выбор режиссера пал на вас и кого вы играете?
 — Я попал в фильм наипримитивнейшим способом. Господин Герман искал некое лицо, способное исполнить роль, заявленную в сценарии как «еврейский врач Вайнштейн». Он перебрал всех грузин и армян, поскольку евреев на эту роль не хотел брать принципиально. Блуждая три года в некоем недоумении, кого же выбрать, он случайно забрел на мой перформанс с Курехиным, где ему показалось, что я могу сыграть. Мне это представилось достаточно забавным, потому что я еще никогда не был евреем и никогда как следует не снимался (кроме короткого эпизода в «Такси-блюзе»). Да и имя Германа для меня что-то значит в качестве

символа добротного и высоконравственного кинематографа.
 Меня обрядили в полковничий мундир, и я себе в виде военачальника очень понравился. На пузо надели накладной живот, поскольку мне не хватало солидности, напихали в карманы бумаг для пущей полноты, я прошелся... Последнее Герману явно не понравилось, но вид мой произвел благоприятное впечатление.
 Моя роль очень небольшая. Мне подыскали еврейскую жену, женщину молчаливую, выше меня ростом, и мы провозжали глазами главного героя, который по сюжету сначала друг, потом враг... сложное было время. В другом эпизоде я, сидя в гостинной, где шел прием, был одет в вышитую рус-

скую рубашку. Мне Герман рассказал, что это был реальный случай с Гуковским, который в период космополитических посадок был настолько выбит из реального мироприятия, не говоря уж про такие мелочи, как вкус и элементарное чувство такта, что пришел в какие-то гости, наряженный в кричащую русскую национальную рубашку, в странном помрачении сознания, думая, что это его может как-то защитить.
 Съемочный процесс удивительно долог. Два дня съемки — это часов по шесть репетиций, чтобы потом получилась минута экранного времени. Как мне говорили опытные люди, другой бы за это время снял половину фильма. Но, наверное, именно это и дает результат.
 — Как вы вживались в образ врача? В жизни вам обычно приходилось играть роль пациента...
 — Пока в мои врачебные функции не вошло ничего, кроме как сидеть в гостях. Я не участвую ни в каких медицинских операциях, просто изображаю человека, попавшего в странную ситуацию. По сценарию у него накануне пропал сын, всем ясно куда, но все уверяют: мало ли, молодой парень, может, загулял... Это ситуация чисто психологическая, общечеловеческая. Уровень моего актерского мастерства, я думаю, нижеший, но Герман настолько выбивает из всякой обыденной колеи, что постепенно впадаешь в некий производственный транс. Так что надеюсь: а вдруг не испорчу фильм? А испорчу — так вырежут меня, и все.
 — Многие считают, что фильм настолько долго находится в производстве, что вряд ли будет когда-нибудь закончен.
 — Если бы я был больше знаком с кинема-

тографом, я бы, наверное, сделал прямой вывод, что с такой медлительностью не закончить никогда. Но поскольку я никогда не был на съемках, мне эта медлительность кажется в какой-то мере естественной. Режиссер говорит, что половина фильма отснята и у него есть установка доделать его до конца. Все зависит от денег, поступающих порциями. Самый дорогой, как я понимаю, эпизод уже снят: строили салон некоей академической дамы, уставленный антиквариатом, где аренда каждой вещи стоила миллионы. Герман мне сказал (думаю, не выдаю его коммерческой тайны), что поначалу, когда фильм запускался три года назад, это был самый богато финансируемый проект. Но постепенно инфляция съела деньги, да и представления о масштабах финансирования изменились. Фильм поэтому делается урывками.
 — По вашему ощущению, насколько эта картина будет похожа на предыдущие работы Германа?
 — Если и будет похожа, то лишь по уровню достоверности картинки, по движению людей, по типу их взаимодействия, почти механического столкновения. Герман сам не определяет так своих картин, но меня это поразило: как в физике, когда возникает сильное поле, все электроны сбиваются со своих орбит и толкуются вместе. Сила этого энергетического поля, разрушившего все уровни жизни, такова, что люди, предметы перешагивают друг через друга, сталкиваются боками, как шары в каком-то странном, уже новом пространстве.

Елена ВЕСЕЛАЯ